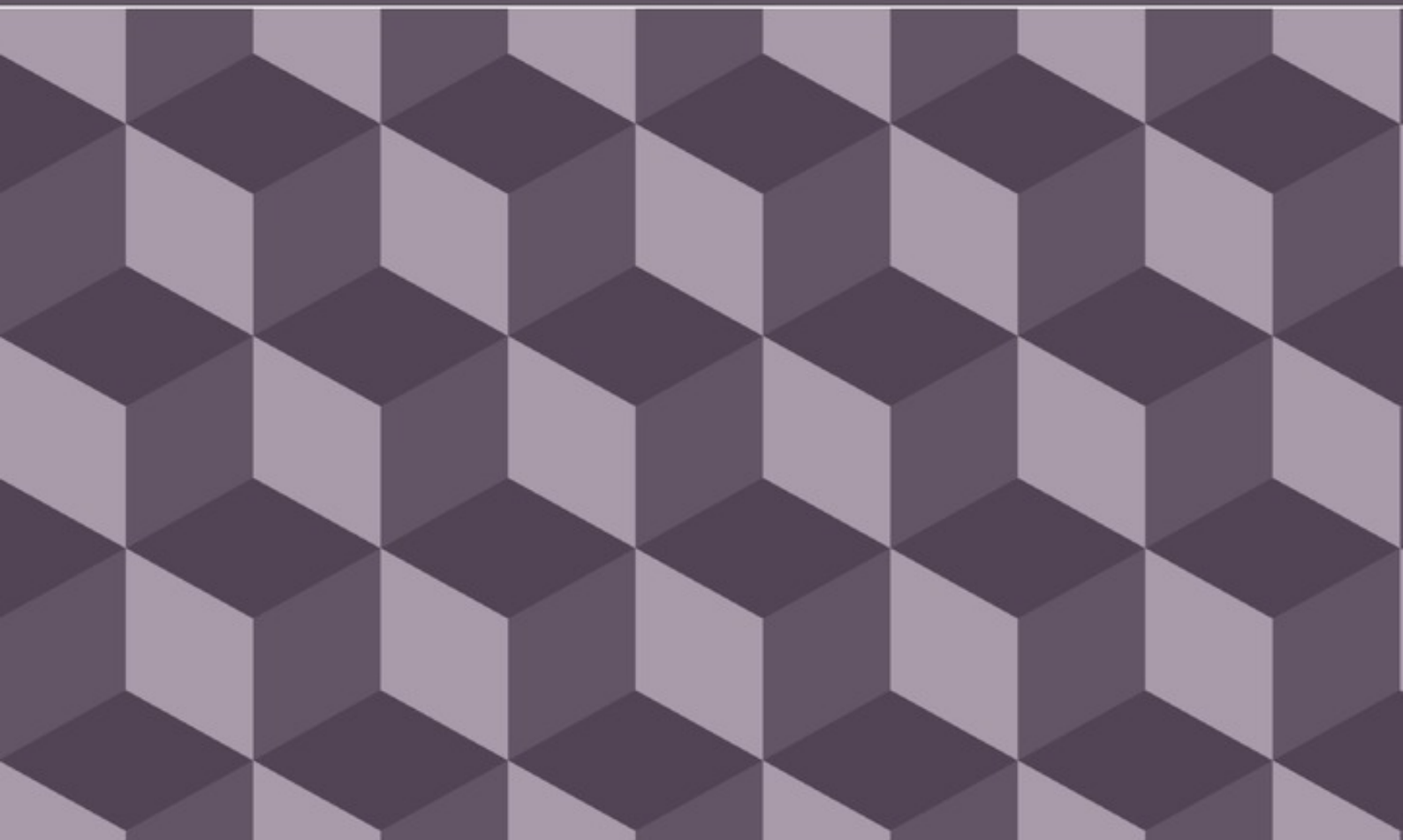

Честнова Наталия

*Я, ты,
он, она...*

Путевые заметки

Наталия Честнова

Я, ты, он, она... Путевые заметки

«Издательские решения»

Честнова Н.

Я, ты, он, она... Путевые заметки / Н. Честнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749431-5

Вся жизнь — это дорога. Часто мы идем и не задумываемся, а оглянешься — вот оно было то, настоящее. Кто мы? Как мы прошли этот путь? Кто повстречался на нем? Те, о ком нужно помнить, потому что они живы, пока мы их помним.

ISBN 978-5-44-749431-5

© Честнова Н.
© Издательские решения

Содержание

Может, и вправду, надо садиться и писать?	6
Бабушка Аня	10
121-я школа на Большой Спасской	13
124-я школа	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Я, ты, он, она...
Путевые заметки
Наталия Честнова

© Наталия Честнова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Может, и вправду, надо садиться и писать?

Я родилась 31 декабря 1950 года в Ленинграде: всегда гордилась этими двумя обстоятельствами. Семья наша была интересная.

Папа, Михаил Николаевич, – старший сын в многодетной семье. Его брат, дядя Леша, младше его на 5,5 лет, а между ними еще три сестры.

Он родился в селе Димитровское Пошехоно-Володарского района Ярославской области в 1925 году. Бабушка, Олимпиада Алексеевна, из крестьян. Но у них была своя лавка. Бабушка, как самая грамотная из девяти детей, окончившая 4 класса сельской школы, работала в лавке, когда мимо проходил смоленский красавец Николай...

Бабушка была по тем меркам уже немолода: ей было 25 лет. Вот дети и пошли один за другим. Папа был третьим. Старший брат Костя и сестра Антонина умерли в детстве, а бабушке, согласно семейной легенде, сказали, что мальчиков нужно назвать по дедам, тогда выживут. Девочки, как всегда на Руси, не считались, поэтому Нина, Оля и Лиза были названы произвольно. Согласно той же легенде, дед Коля взял фамилию бабушки, так как свою фамилию Тимофеев потерял в Первую империалистическую, когда, будучи раненым, был привезен в госпиталь и не смог ответить на вопрос, как его фамилия, успев только сказать «Николай, Михайлов сын...», и отключился.

Выйдя из госпиталя и получив документы на имя Николая Михайловича Михайлова, не захотел давать чужую фамилию детям. Поэтому все мы Цаплины. Кстати, несмотря на то, что фамилия простая, я никогда не встречала однофамильцев, хотя и искала.

В 1929-м дед стал председателем колхоза. А когда бабушкиного брата «Ляксанра», работавшего председателем сельсовета, в исподнем протащили зимой со связанными руками за лошадь, после чего он недолго поболел да и умер, дед решил, что пора перебираться в город. В Ленинграде в ту пору жили три его сестры: Агафья, Ефросинья и Мария. Они все были монашками Иоанновского монастыря на Карповке. Когда монастыри закрыли, они поселились напротив, благо квартир было полно. Они захватили четырехкомнатную квартиру, но одну комнату не сумели удержать.

Мария умерла, туда поселилась тетя Дуся с семьей, которая потом долго была нашей соседкой. Дом и сейчас стоит на углу улицы профессора Попова и Вяземского проспекта. В квартире было печное отопление. На кухне стояла дровяная плита. Печи с изразцами сохранились и потом, когда дома газифицировали. Ванной не было. Мы все ходили в баню. Жили на первом этаже, и при наводнениях погреба заливались водой. Я застала одно сильное наводнение 1954 года, когда в люк около нашего дома с урчанием и грохотом уходила вода, а по Песочной улице (так всегда называли и называют в нашем доме улицу проф. Попова) в направлении теперешнего ГАИ плыли на лодках.

Так с 1931 года все поселились в Ленинграде. Правда, папа сказал, что его потом на год отправили обратно в деревню, где он пошел в школу, окончил первый класс, причем очень плохо, на двойки, что странно, так как школу папа окончил очень хорошо, а институт с отличием, причем со Сталинской стипендией...

Папа всегда говорил, что в его воспитании большую роль сыграл сосед сверху, который, будучи профессором и не имевший своей семьи, привечал любознательного мальчишку, давал ему книжки из своей библиотеки, даже подарил сказочный альбом марок, хранящийся у нас до сих пор. Сам он погиб в блокаду. Имя его, к сожалению, не сохранилось.

Еще живя в деревне, папа водил своих младших сестреноч за грибами, за рыжиками. Учитывая, что в 1931 году папе было шесть лет, Нине – пять, Оле – четыре, а Лизе – три

(полутороогодовалый Леша с ними не ходил), стоит задуматься, где же росли эти рыжики, или как дети находили дорогу обратно? Может, это тоже из области легенд?

В Ленинграде дед работал в булочной, бабушка шила, потом они оба дома шили шинели. Папа до сих пор вспоминает, что как-то, придя к деду на работу в булочную, набрал все девятки и потом выбил по кассе 9999.99. И дед промолчал, не ругал его.

Дед болел туберкулезом, и бабушка получаемые для него белые булочки и масло меняла в блокаду на черный хлеб – его давали больше. Но все выжили. Нина и Оля пошли работать в 14 и 13 лет, и долго потом доказывали, что они блокадники, несмотря на медаль «За оборону Ленинграда», больно молодые были...

Папу в 1943 году в 17 лет забрали в армию и сразу бросили на Пулковские высоты. Он до сих пор не может спокойно об этом говорить. Забрали 1 января, а прорыв блокады был 27 января. Необученных мальчишек положили на снег как пушечное мясо, пытаясь поднять их в атаку, и там и тут оставались серые пятна шинелей. Потом оказалось, что их полк отвлекал внимание, а прорыв был в другом месте.

Он служил на радиостанции, которая находилась в здании буддийского храма. Там на полу выложена мозаика в виде свастики – как символ плодородия в буддизме. Самолеты метились в эту радиостанцию – хорошая цель, бомбили. «Сидишь, передаешь-принимаете сообщения, а самолеты кружатся, бомбят. А на полу свастика! Один раз попали, разворотили угол, но там стены толщиной с метр».

У папы тоже есть медаль «За оборону Ленинграда», так как до этого, будучи студентом техникума связи им. Кренкеля, он тушил зажигалки, дежурил на крышах домов. Но звания блокадника не получил. «Вы участник войны, это выше, чем блокадник!» Хорошая логика! Но он же всю блокаду провел в Ленинграде и только 3 июня 1943 года, уже после прорыва блокады, его вывезли на пароходе по Дороге жизни и отправили служить в Москву!

Когда пароход шел по Ладоге, папа инстинктивно поднялся на верхнюю палубу. Кружили самолеты и бомбили шедший транспорт. «Я знал, что не выплыву, вода в Ладоге холодная, да и плаваю я очень плохо, но сидеть внизу не мог, хотелось посмотреть летчикам в глаза». Но все прошло благополучно, бомбы попали в соседние суда. Кстати, ту же историю рассказывала мне другая бабушка, с маминой стороны, но об этом потом.

В Москве папу быстро обучили. Дали звание младшего лейтенанта. Служил он на Лубянке, в доме рядом со знаменитым гастрономом: обеспечивали связь ставки Верховного главнокомандования с фронтами. Когда в 90-х годах мы узнали, что творилось в подвалах Лубянки, папа был ошеломлен не менее, чем мы. Хотя кое-что, конечно, знал. Вербовали его в СМЕРШ, до сих пор молчит, не говорит. Но ненависть к этой организации я впитала с молоком матери.

Когда война подходила к концу, он экстерном окончил среднюю школу, так как до войны удалось окончить только два курса техникума. И решил поступать в институт. Выбрал МГИМО (тогда МИМО). Ничего себе! Сейчас бы – без протекции, без репетиторов!

В 1945 году ему было 20 лет. Из крестьян. Поступил. Пришел демобилизовываться. А там взвились! В МГИМО, без нашего разрешения!

Короче, отчислили, и он поступил в Институт связи МЭИС. Тут его демобилизовали, он перевелся в ЛЭТИ и уехал домой, в Ленинград, и навсегда сохранил привязанность к этому городу, хотя миллионы раз мог перебраться в Москву, да и проработал всю жизнь, считай, в Москве: ездил в командировки по два раза в неделю в Звездный городок, так как стал потом генеральным конструктором телевизионных репортажных камер для космических аппаратов. А начинал со съемки обратной стороны Луны, за что их группа получила Ленинскую премию. В список для получения он был включен, но премию дали намотчице. Второй раз он не получил Государственную премию уже потом, когда «Аполлон» стыковался с «Союзом», тогда же его

не послали в командировку в США. Мы много планов строили на эту поездку, да и на премию, так как хотели улучшить свои жилищные условия...

Папа с мамой познакомились в чертежке, когда оба учились в ЛЭТИ. И поженились на 4-м курсе, 4 ноября 1948 года. Потом ездили в строительный отряд в Псковскую область, где папа был бригадиром женской бригады. Ели медвежатину, пели песни.

Я родилась перед дипломом, 31 декабря, в Снегиревке, папа защищался 7 января, а мама – 21 января.

Жили мы сначала у бабушки Ани, на ул. Маяковского, потом переехали на проф. Попова к бабушке Липе, где и родился мой брат Саша. Там освободилась комната, длинная и узкая, как кишка, так как одна из дедушкиных сестер, Агафья, умерла. Эту комнату мы поменяли на комнату на пр. Карла Маркса, когда в Институте телевидения (ВНИИТ), где работали родители, построили новый дом.

Там я пошла в школу.

Комната была большая: 26 квадратных метров с балконом. Окна выходили на завод имени Климова и покрывались толстым слоем сажи. Рядом был «Абразивный завод им. Ильича», завод «Красное знамя», ткацкая фабрика «Красная нить», завод «Русский дизель» и пр. Тем не менее на балконе регулярно устраивали гнезда голуби, в комнате у нас жили вороны, один со сломанной лапкой, ворона, рыбки...

Комнат было три, и в каждой семья с двумя детьми. У каждой семьи был один день, чтобы помыться в ванной и постирать.

Дядя Ваня работал токарем, был большой, грузный и добродушный, тетя Маруся работала парикмахером, к ней приходили клиентки на дом, они сушили волосы в газовой духовке. На их столе на кухне лежало сливочное масло в тазике с водой: холодильников не было. Девочка Галя была моя ровесница, мальчик Сережа – моего брата.

Венеровские жили в самой маленькой, пятнадцатиметровой, комнатке, Леночка была ровесницей моего брата, а Дима родился незадолго до смерти своего отца, дяди Димы, который долго болел, я его почти не помню. Потом появился дядя Витя. Он был очень тихий, летал по коридору бесшумно. Мы отдали им свою двухэтажную кровать.

Потом мы комнату бабушки Ани и нашу поменяли на две в одной квартире на проспекте М. Тореза. Там была только одна соседка, но зато какая! Она работала медсестрой в академии связи им. Буденного, у нее был сын Вова, и водила к себе офицеров. Мама с ней регулярно ругалась.

Потом стали строить кооперативные квартиры. Мы хотели построить квартиру для бабушки, а потом поменяться с нашей соседкой. Но она не поехала.

Наша очередь на установку телефона подошла, ждали мы ее 15 лет (вернее, папа). И поставили телефон не как личный, а как общественный – в коридор. Поэтому, когда переехали, оставили телефон в квартире. И опять ждали 15 лет.

А переехали мы тоже интересно. Мама узнала, что стали строить дома по новому проекту. И там есть квартиры, в которые не заселишь две семьи, так как все комнаты смежные, а кухня очень маленькая. Это были хрущевские «распашонки». Мама пошла в райисполком. Предложила наши две комнаты по 22 метра, в каждую можно было переселить по семье. Так и вышло. Три семьи были расселены, а мы получили отдельную квартиру на первом этаже на Гражданском проспекте.

Какая это была радость! Я с бабушкой – в узкой длинной комнате 13-ти метров. Окно выходило на юг, и летом там невозможно было находиться. Родители – в 11-метровой, и брат Саша – в большой 18-метровой, проходной. Там же стояло пианино. Мы повесили толстые шторы: первый этаж. В прихожей, микроскопически малой, папа сделал турник, стояли два

велосипеда, в кладовке, что разделяла две задние комнаты, – мастерскую. Папа, да и Саша не вылезали оттуда, паяли, колотили...

Мы прожили в этой квартире 18 лет, так что в прихожей умещалась потом и коляска моего старшего сына.

Эти шторы требуют отдельного рассказа. Мама привезла их из Москвы, когда была там в командировке. Они оборудовали Московский телецентр на Шаболовке и Дворец Съездов телевизионной аппаратурой. Потом и Киевский телецентр тоже.

Мама была в качестве технического работника, разумеется, и на знаменитом XX съезде партии, и на первых КВНах, видела космонавтов и других знаменитостей. Рассказывала, как делались записи концертов Пьехи и Крис таллинской, как снимались бесконечные дубли разных юмористов – и они повторяли свои шутки и каждый раз смеялись.

Родители работали в одном институте, но в разных отделах, и вечером не могли наговориться, рассказывая о производственных трудностях. Папа занялся космическим телевидением, летал на Байконур, Центр управления полетами в Подлипках, в Звездный. Всегда знал, когда будет очередной старт и кто полетит. Так что все эти «кухонные разговоры» были у нас всю жизнь.

Им было интересно работать: отрасль новая. Поскольку родители были постоянно в командировках, нас воспитывала бабушка Аня.

Бабушка Аня

Бабушка Аня воспитывала меня с самого первого дня, ради нас с братом ушла на пенсию, хотя никак не хотела этого делать. Она родилась в 1898 году, на «Воле». На самом деле это был город Ровно на Западной Украине. Все евреи жили в местечке, а они – на «Воле», в пригороде. В семье было пять человек детей, бабушка старшая. Звали ее Ханна-Голда, но я об этом узнала только на похоронах, когда мама заказывала надпись на памятнике. Мы с братом звали ее просто бабушка.

Они жили двумя семьями: бабушкина мама и ее сестра с четырьмя детьми. Бабушкин отец был бухгалтером, он заставлял выносить все цветы на ночь на веранду, чтобы ночью не было душно, спать на досках и приносить чай, налитый в стакан с подстаканником до самого верха. А когда немного чая проливалось, велел идти обратно и доливать чай. Он был маленького роста, а бабушкина мама – высокая, статная.

Сливы закупались возами, варили повидло. Бабушкиной обязанностью было намазывать булку вареньем. Пока она намазывала всем по очереди, первые уже съедали и подходили к ней повторно. Они сторожили фруктовый сад, ходили на бахчу, брали с собой кусок булки и обедали, выбрав приглянувшийся арбуз.

В начальную школу она пошла здесь, в Ровно, в вот в гимназию не прошла процентной нормы, 4%, ей пришлось уехать в Конотоп, жить у тетки. Тетка была богатая: каждый день меняла постельное белье, выстиранное складывала стопочкой сверху, а брала снизу, но и не очень счастливая. Когда в саду в тазах варилось варенье, все внимание было сосредоточено на варке, ее шаловливый сын обварился и умер. Так мне был преподан урок: не в богатстве счастье, внимание – детям.

Бабушка очень хотела учиться, женская гимназия была семилеткой, а в университет принимали после восьмого класса мужской гимназии. Она окончила восьмой класс экстерном, причем должна была сдать еще латынь и греческий, которые не преподавались в женской гимназии, получила золотую медаль и была без экзаменов принята на отделение естественных наук в Варшавский университет, эвакуированный, впрочем, к тому времени из-за начала Первой мировой войны в Ростов-на Дону, куда вся семья бежала от немцев. Она постоянно подрабатывала, давая уроки нерадивым гимназистам.

В 13 лет наступает совершеннолетие по еврейским канонам. Семья была очень религиозная, бабушка держала очень строгий пост и на базаре упала. Говорит, все кружилось, потемнело, она решила, что умирает. Ее спасла русская женщина, вложившая ей в рот кусочек сахара. С тех пор бабушка порвала с религией и никогда к этому не возвращалась.

В Ростове-на-Дону все они жили в доме на высоком берегу. Держали кур, часто рождались цыплята с разными отклонениями: то четыре ноги, то две головы. Бабушка носила их своему профессору, который спиртовал их для коллекции.

Город несколько раз переходил из рук в руки. Я спрашивала, кто лучше были, белые или красные. Она мялась, времена были еще страшные, потом сказала, белые вели себя лучше, красноармейцы же раскурили все книги на самокрутки, гадили, где попало. А кур конфисковывали и те и те.

На время войны университет был закрыт, бабушка была безработной, стояла на бирже труда, потом работала в библиотеке далеко от дома. Она была маленького роста, в Ростове ночи черные, темнеет рано, идти страшно, вдруг слышит, чье-то дыхание около уха: огромная немецкая овчарка положила свои лапы ей на плечи. С тех пор дед встречал ее по вечерам.

Они поженились на первом курсе. Он сам был из многодетной семьи, двенадцатый, из Житомирской области. Его отправили учиться к аптекарю. До 14 лет он не говорил по-русски. Во время Первой мировой попал в плен, там не кормили вообще.

В библиотеку как-то пришел Маяковский. Бабушка говорит, что очень его испугалась: огромный, громогласный, требовал, чтобы она показала ему формуляры рабочих. А потом долго отчитывал, почему они его не читают.

Дед учился на врача, бабушка стала биологом. Он учился очень долго, никогда не подрабатывал, стал глазным хирургом. После окончания университета их послали работать в черкесский аул под Армавиром. Как раз тогда родилась мама, и бабушка с двухнедельной малышкой отправилась вдогонку за дедом, который уже был там. Мальчишка вел ее по доске, перекинутой через реку, и подпрыгивал, как они не свалились...

Приняли их хорошо: врачей уважали. Поселили в семью, где у хозяина было 12 дочек, старшей было 12 лет. Все красивые, щечки-яблочки. Потом хозяин отправил жену к родителям, как не оправдавшую доверия – мальчиков нет! А к бабушке подошел один человек и попросил вывести старшую девочку за околицу. Бабушка отказалась, но девочку все равно потом украл.

По улице ходили только мужчины, женщины – огородами, сеяли русские, украинцы ходили коробейниками, мужчины сидели у ворот, как в «Белом солнце пустыни». Огородов никто не держал. Бабушка посадила огурцы: почва благодатная, палку воткни – растет, и дала попробовать хозяйке. Утром ни одного огурца! Но сама сажать не стала. Все ждала новую поросль.

Во дворе постоянно варился чай – баран в молоке с заваркой, за костром наблюдала старая бабка, которая великолепно скакала на лошади и мою двухлетнюю маму тоже посадила на лошадь, перепугав до смерти бабушку.

Как-то привезли шестнадцатилетнюю девочку, от рождения слепую. Дед должен был делать операцию. Избу окружили всадники с ружьями наперевес. Бабушку с мамой заперли дома. Бабушка говорит, что не так давно в соседнем селе зарезали семью доктора, что-то не так сделавшего. Было очень напряженно, но операция прошла удачно. Девушка прозрела. Деда носили после этого на руках. Но все равно при первой возможности они уехали в Ленинград. Бабушка говорила, что освободилась комната. Это был 1929-й год. Намного позднее я узнала, что тогда бабушкины родители с неженатыми сыновьями уехали в Америку, связь восстановилась только при Хрущеве. Как они попали в Ленинград, теперь некого спросить, но факт: на Загородном, 17 снова жили семьи двух сестер. Квартира была большая, четырехкомнатная. В самой большой комнате, метров сорока, устроили папиросный цех, все там работали, руководил бабушкин брат Абрам, как старший и самый толковый. В 1929 году под предлогом отсутствия кошерной пищи они уехали в Америку. Тогда и освободилась комната...

Трудности с квартирами привели к тому, что мы постоянно переезжали. В школу номер 104 я пошла на К. Маркса. Проучилась там четыре года, и мы переехали на М. Тореза. Перевели меня в 121-ю школу, что на Большой Спасской улице. Потом построили новую школу, на Тореза – 124-ю, и нас всем составом перевели туда. Но она была восьмилетка, так что потом я пошла учиться в 121-ю школу, которая к тому времени переехала на 2-й Мушинский и стала математической, где были только девятые и десятые классы.

Этот район был и есть академический. Рядом Политехнический институт, Институт телевидения, знаменитый Физтех им. Иоффе, Котлотурбинный им. Ползунова, завод «Феррит», «Позитрон», Радиевый институт, Агротехнический и «Гипроникель».

Так что в нашем классе все время учились дети ученых и научных работников. Не все, конечно: после восьмого класса ровно половина ребят пошли работать, Лариса Мамонова – токарем на завод, Наташа Шорохова – в пошивочное ателье, Толя Серов, Женя Изюмов и Валера Бублеев – поварами. Вторая половина перешла в 121-ю школу. Витя Кадеев и Эдик Туровский попали в колонию. Я потом часто их встречала около кинотеатра «Выборгский»,

куда мы ходили, толпились кучкой, меня звали. А я их страшно боялась. С Эдиком Туровским мы разбили стекло в школьной библиотеке. Точнее, он мной разбил стекло... Рядом был кабинет директора, он тут же вышел: «Кто разбил стекло»? «Я», – сказала я, что было чистой правдой. Папа потом несколько раз звонил родителям Эдика, чтобы вместе вставить стекло, но они не реагировали. Эдик был стилига, брюки дудочки, 22 см внизу, были только у него. Рядом была гостиница «Спутник», там жили финны. Многие чуть не лишились благонадежности, принеся в школу жвачку, выпрошенную или выменянную на пионерские значки. В парикмахерской при гостинице работала Таня Калутина. Их было две сестры, Таня и Галя, одна вышла замуж за Витю Кадеева, другая – за профессорского сына, забыла фамилию.

В 124-й школе был французский язык. Папа все хотел перевести меня в другую, где английский, например, в 103-ю, но ничего не вышло, все было строго. Мы потом встретились с ребятами из 103-й школы, которые тоже пошли в нашу, знаменитую 121-ю математическую, там были все языки, и это не стало препятствием.

121-я школа на Большой Спасской

На Тореза мы переехали в октябре 1961 года. Занятия в школе уже начались. Наши дома сдавались по очереди, так что и новички появлялись в нашем классе по очереди, стояли с портфелями у доски, пока не приходила учительница и не представляла очередную «жертву». Дети жестокие. Войти в новый коллектив удалось не сразу.

У нас в четвертом классе образовалось два клана, мы воевали, дрались мешками для обуви, некоторые клали туда камни, Свете Гарб так зафитилили по лбу палкой, что пришлось вводить противостолбнячную сыворотку. Мы организовали тайное общество «В полночь упадет звезда» (ВПУЗ), засылали шпионов в противоположный лагерь. Наташа Котлярова была заслана, да там и осталась.

Меня, как новенькую, посадили с Костей Утехиным, с ним никто не хотел сидеть. Он щипался, бил по ногам, и все от него плакали. Я не жаловалась, но учительница, Бэлла Лазаревна, сама отсадила меня. Ее воспитательный метод закончился крахом. И он сидел один. Я потеряла его потом из виду. Его мама преподавала черчение на кафедре в Политехническом, где я училась и проработала 25 лет, и слыла очень строгой.

Юра Федотов, к которому меня отсадили, был более добродушный мальчик. Хотя мы и с ним дрались, делили парту мелом пополам. Он приходил ко мне домой, но не решился войти сам. Послал девочку из нашего класса, Иру Краинскую, чтобы я вышла. Но Ира выдала его, сказала, что пришли четверо меня бить. Я, конечно, не пошла. День был морозный, у нас дома стоял обогреватель, я двигала штору, чтобы лучше рассмотреть пришедших, и штора, задев за спираль, загорелась. Тюлевая занавеска вспыхнула мгновенно, а привезенные мамой из Москвы тяжелые гобеленовые шторы только немного обгорели. Заплатку сделали из моего шелкового желтого передничка, сшитого для украинского костюма моей первой няней, Ириной Николаевной, которую я совсем не помню.

В этой квартире пожар был еще раз, когда мама стирала в ванной папин плащ. Она замочила его в ванной в бензине, а тут вошел папа и стал включать газовую колонку. Брат вертелся рядом. Его кудрявая головка вспыхнула, как огненный нимб, мама стерла огонь с его головы своей рукой.

Потом брата не хотели стричь ни в одной парикмахерской, думая, что это какая-то болезнь. А мама долго лежала в больнице, а потом дома, следы от ожогов остались на всю жизнь.

В четвертом классе мама сшила мне нижнюю юбку, что тогда было модно, накрахмалила ее, и я пошла в школу гордая и счастливая. В первый же день всех модниц поставили перед классом у доски, позорили и отправили в туалет снимать юбки. (А мальчишки стояли и ждали, когда мы выйдем. А юбки большие. Объемные. Как незаметно вынесешь?)

124-я школа

В 124-й школе, куда нас перевели, тоже было интересно. Школа была восьмилетка. Я, как человек общественный, всегда была за «несправедливо» обиженных. Наша классная руководительница, географичка Антонина Александровна Страздынь, невзлюбила мою подругу Свету. В чем это выражалось, сейчас не упомянуть, но чашу терпения переполнило задание мыть полы в белых фартуках (мы были дежурные по школе. Девочки должны были надевать белые передники, а мальчики белые рубашки). Зачем в этот же день нужно было мыть класс, не помню, но все мыли, а Света отказалась. (Я была солидарна! Рассказала папе, и он пошел в РОНО и перевел нас в соседний класс.) А соседний класс, «5Г», был легендарным, во всех школьных соревнованиях он занимал первые места, в кабинете все стены были обклеены стенгазетами. Мое воображение поразила та легкость, с которой классная руководительница, Валентина Николаевна Кузнецова, общалась с учениками. Она, как и ее муж, Василий Васильевич, преподавала физику. И если он на самом деле был профессионалом, привившим мне любовь к лыжам, спортивным играм, различным соревнованиям, то она в основном чесала языком, а потом переучилась на преподавательницу начальных классов, когда мы уже ушли из школы. Она разговаривала с нами на разные темы, некоторые из которых мы считали в то время неприличными: о необходимости носить теплые байковые штаны, про «замуж» и пр. Причем при всем честном народе. Нас это все очень смущало. А в восьмом классе построила всех и велела сделать два шага вперед тем, кто пришел в капроновых чулках. Мы вышли под улюлюканье наших мальчиков. Велела снять, отобрала и отправила в таком виде домой (в марте в Ленинграде еще холодно). Странно, но мы даже не обиделись, продолжая ее любить.

Русский язык и литературу вела Александра Ивановна. Очень спокойная. Умная. Меня вызывала редко, но вызвала, когда пришла какая-то комиссия. И я ее опозорила. Помню до сих пор. Нужно было придумать пример на обстоятельство места. Александра Ивановна просила нас не давать примеров из учебника, а я как назло не могла вспомнить ничего, кроме того, что было в учебнике: «Ягненок как-то раз пошел к ручью напиться», стояла и молчала.

Элли Александровна вела французский. Это были не уроки, это каждый раз была тайна. Загадка какая-то. Мы пели песни, переводили стихи, Гюго, «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. Я решила всех перехитрить, открыла дома том Жюль Верна, благо у нас была неплохая библиотека. С тех пор я зареклась: художественный перевод не имеет ничего общего с оригиналом. Только зря потратила время.

Элли Александровна навсегда привила мне любовь к романской литературе, к импрессионистам. Монмартр, Сорбонна, левый берег Сены – это не слова, это мое, они все мои. Я с трепетом ждала первого знакомства с Парижем, которое у меня состоялось, в отличие от Элли Александровны... И он меня не разочаровал. Уже в институте я узнала, что французская грамматика сложна и запутана, что, помимо склонений и спряжений, существует 25 времен глагола и согласование прилагательных по родам и числам. У нас все было легко. Мы не задумывались над этим. Правда, практики не было, и когда меня на улице спросили, как пройти в гостиницу «Астория», я смертельно перепугалась и убежала. Уже в 9-м классе, где преподавала Дина Дмитриевна, мы валяли дурака, но знаний, полученных с 5-го по 8-й класс, мне хватило на всю жизнь. Даже сдавая кандидатский минимум, я продолжала пользоваться тем же словарным запасом, так как в институте, кроме переводов текстов про «Предварительно напряженный бетон» (что это такое, кто бы рассказал!), несмотря на прекрасную Наталью Петровну, я ничего не усвоила. Французский стал забываться только сейчас, когда моя встреча с ним не произошла, а я начала интенсивно учить немецкий, но романа с немецкой литературой у меня не вышло.

Историю вел Иосиф Ильич. Он был очень стар, лыс и худ. Слушать его можно было, только раскрыв рот. Но в 6-м классе его уже не было: ушел на пенсию. Вместо него пришел бравый и скучный преподаватель Александр Васильевич. Он не ставил нам пятерки, а нам этого так хотелось. Девочки выучивали учебники наизусть, а все равно получались только четверки. Все были ошеломлены. Уязвлены. Началось негласное соревнование. До меня очередь дошла не сразу, и именно в тот раз я была не готова. На доске висела огромная карта. Речь шла о завоевании Америки. До сих пор не понимаю, как, видя карту, можно не справиться с ответом, что по истории, что по географии! К тому же я только что прочла «Дочь Монте-сумы» – книгу, которая захватила меня. Видимо, мой ответ был просто нестандартен, так как написанное в учебнике я не читала. Моя пятерка стала началом. Александр Васильевич смилостивился: пятерки посыпались как из рога изобилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.